

Чжао Лань, сжимая в руке нефритовую подвеску, чувствовал себя так, будто услышал невероятную сказку.

Однако подвеска вернулась к нему, и он снова увидел того человека. На этот раз он разглядел его предельно ясно, обманывать себя было бессмысленно, да и у брата Янь не было причин его дурачить.

Прошло немало времени, прежде чем голова Чжао Ланя, гудевшая с самого начала, наконец начала соображать. Он полуоткрыл рот, глядя на Вэнь Чаннина, выдавил из себя жалкую улыбку, больше похожую на гримасу плачущего, и медленно кивнул. Вид у него был такой, будто он только что пережил сокрушительный удар, но он всё же нашел в себе силы произнести:

— Здравствуйте, господин Вэнь.

Вэнь Чаннин, всю свою сознательную жизнь проживший как обычный современный человек, был не привык к обращению господин. Он неловко кашлянул и с мягкой улыбкой ответил:

— Здравствуй, Чжао Лань. Зови меня просто по имени, не нужно называть господином.

Вэнь Чаннину было неуютно, когда его называли господином, это вызывало у него чувство неловкости. Однако он стеснялся в древности просить человека, которого видит впервые, звать его братом. К счастью, он был не против того, чтобы парень, который был на несколько лет младше, обращался к нему по имени, поэтому так и сказал.

Чжао Лань, коренной житель этих мест, был ошарашен словами Вэнь Чаннина и выпалил:

— А?

Гу Чанъянь, вспомнив вчерашнюю заминку и тон Вэнь Чаннина, когда тот назвал его господином, предположил, что это, должно быть, какая-то привычка из родных мест Вэнь Чаннина. Он быстро пришел к такому выводу, но понимал, что не может позволить Чжао Ланю фамильярно обращаться к гостю по имени, поэтому сказал:

— Зови его брат Чаннин.

Сказав это, Гу Чанъянь посмотрел на Вэнь Чаннина и, увидев, что тот больше не выглядит таким смущенным, как при обращении господин, успокоился. Если бы Гу Чанъянь был современным человеком, он бы понял, что выражение лица Вэнь Чаннина означало крайнюю неловкость, от которой хочется провалиться сквозь землю.

— О, — тупо кивнул Чжао Лань, словно робот, выполняющий одну команду за другой.

— Об этом деле никто, кроме нас троих, не должен знать.

Предупредив его, Гу Чанъянь велел Чжао Ланю выйти. Тот сейчас был не в состоянии что-либо

осознать, лишние разговоры были бесполезны.

— Идем, — Гу Чанъянь поднялся с места.

Вэнь Чаннин удивленно спросил:

— Куда?

— В храм Цыгуан, поищем зацепки, связанные с подвеской, — ответил Гу Чанъянь.

В глазах Вэнь Чаннина промелькнула улыбка, в сердце разлилась благодарность, и он торжественно поблагодарил его. За те несколько дней, что он здесь находился, Гу Чанъянь стал первым, кто смог его увидеть, и, что еще удачнее, он был готов помочь.

Перед главными воротами поместья Гу стояла карета. Гу Чанъянь и Вэнь Чаннин стояли рядом, готовясь сесть внутрь. Чжао Лань следовал за ними, его вид всё еще был растерянным, он явно не мог прийти в себя после случившегося. Он невзначай поднял глаза на Гу Чанъяня: на красивом лице его брата читалось полное спокойствие и невозмутимость. Чжао Лань не мог понять: как брат Янь может быть таким хладнокровным?!

Не успел Чжао Лань додумать, как Вэнь Чаннин под прикрытием неспешных движений Гу Чанъяня уже забрался в карету. Гу Чанъянь последовал за ним, а затем, выглянув из-за занавески, позвал:

— Чего застыл? Залезай.

— А... да, сейчас, — откликнулся Чжао Лань с опозданием и в полузабытьи забрался в экипаж.

Карета тронулась, колеса застучали по дороге. Внутри воцарилась тишина. Трое сидели в просторном салоне, храня молчание: Чжао Лань пребывал в прострации, Гу Чанъянь сохранял спокойствие, а Вэнь Чаннин погрузился в свои мысли. Прошло больше часа в полном безмолвии, прежде чем карета остановилась перед храмом Цыгуан.

— Господин, мы на месте, — кучер натянул вожжи, и карета плавно замерла.

Занавеску отдернули. Чжао Лань выпрыгнул первым — его состояние было уже куда лучше, чем при посадке. Он прикрыл собой выход, и вторым вышел Вэнь Чаннин, а последним — Гу Чанъянь. Кучеру и в голову не могло прийти, что отныне он будет возить на одного пассажира больше.

Вэнь Чаннин оглядел ярко-красные ворота храма: высокие каменные своды выглядели величественно и торжественно. Изнутри то и дело доносились ароматы благовоний, виднелись бредущие монахи с гладко выбритыми головами. Паломников было не счесть, а поскольку храм располагался на склоне горы за пределами столицы, в окружении лесов, от него веяло древним спокойствием.

Из-за Вэнь Чаннина карету оставили слева от главных ворот. По пути к храму Вэнь Чаннин старался держаться осторожно, обходя людей стороной, словно желая прижаться к стене. Гу Чанъянь невозмутимо прикрывал его, а Чжао Лань следовал позади, пока они наконец не поднялись по каменным ступеням внутрь.

Не успели они далеко отойти, как навстречу им вышел молодой монах. Подойдя к Гу Чанъяню, он сложил ладони в приветственном жесте и произнес:

— Почтенный Гу.

Затем монах слегка повернулся к Чжао Ланю:

— Юный друг Чжао Лань.

Гу Чанъянь и Чжао Лань, знавшие монаха, ответили на приветствие:

— Наставник Даоцзи.

Даоцзи прошептал Амитабха и спросил:

— Почтенный Гу, вы ведь только вчера ушли, почему же вернулись сегодня?

Лицо Гу Чанъяня стало строгим и сосредоточенным. Он почтительно ответил:

— Я столкнулся с делом, в котором не могу разобраться, поэтому пришел к мастеру Уюню за наставлением. Прошу, наставник, проводите нас к нему.

<http://bllate.org/book/18800/1827384>